

СТАТЬИ

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА *

Академик М. В. Нечкина, В. Т. Пашуто, Е. Б. Черняк

Старая поговорка уверяла, что история никогда не повторяется, лишь историки постоянно повторяют друг друга. Согласимся с ее первой половиной: история нашего века открыла никогда не читанные страницы о невиданных делах людей. Что касается второй, то историкам, повторяющим друг друга, стало просто нечего делать на земле. Выросла властная потребность общества: осознать новое в его историческом развитии. Человек отвечает за время, в которое живет.

Никогда наша наука не достигала таких успехов — и никогда не раздавались так громко голоса, в том числе и из рядов профессиональных историков, отрицающие за ней право именоваться наукой. Никогда мы не обладали такими глубокими знаниями о недавно еще мало или вовсе не известных периодах истории человеческого общества, столь разносторонними сведениями в таких областях истории, экономики и культуры, о которых наши предшественники не имели никакого представления, и все же никогда еще историкам не приходилось выслушивать столько утверждений в безнадежности попыток верно отразить бесконечно многообразную действительность.

Где же корни сомнений в объективности научного знания? Чтобы определить их, историку естественно прежде всего обратиться к истории. Как возник и развивался этот скепсис? Он имел общественные, философские и свои собственные внутренние научные корни.

В середине прошлого века историческая наука, казалось, достигла своего расцвета и заслужила широкое признание в обществе. К. Маркс обнаружил ограниченность этой исторической науки и показал путь к превращению ее в науку точную. С появлением марксизма — хотя он встретил упорное сопротивление у большинства профессиональных историков — историография была втянута в водоворот научной революции. Если революция в естествознании, сломав традиционные физические представления о материи, пространстве и времени, породила у части ученых настроения агностицизма, то в общественных науках подобные настроения были не результатом, а лишь побочным следствием научной революции, отмечаемым дальнейшими успехами познания.

Когда Октябрьская революция, подтвердив практически марксизм, открыла эру его творческого применения к общественному строительству, некоторые представители старой историографии заговорили о гибели сущего, о «закате Европы», разумеется, «западной», которая

* Доклад, прочитанный на XII Международном конгрессе исторических наук в Вене в сентябре 1965 года.

в их представлении символизировала всю цивилизацию планеты (О. Шпенглер, который кончил свои дни дюжинным «остфоршером»). Общественный переворот, результатом которого было образование СССР, зримо опроверг прежние представления о развитии общества, свойственные тем направлениям в историографии, которые были пронизаны идеями плоского эволюционизма, лишенного представления о значении качественных революционных сдвигов, или отрицали закономерность исторического процесса.

Для историков, стоявших на диалектико-материалистических позициях, революционные перемены и в обществе и в исторической науке лишь подтвердили, поставили на еще более широкий прочный фундамент фактов основные положения марксизма. Напротив, у другой части ученых выявление значительно более непосредственной, чем в естественных науках, связи общенсторических взглядов с интересами определенных общественных кругов породило сомнение в самом существовании объективной научной истины. Социальные корни теории, отрицавшей существование объективной истины в исторической науке (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер), питались страхом консервативных сил перед законами истории. Межвоенный период был в западной немарксистской историографии временем наступления на самую возможность познания истории научными методами (О. Шпенглер, Т. Лессинг), подрыва понятия исторического факта (Ч. Бирд, Беккер), временем утверждений, что исторический источник не отражает реальную действительность.

Субъективистские философские основы значительной части западной историографии сохраняются до наших дней и служат препятствием прогрессу исторического знания. Логический позитивизм, имеющий определенные заслуги перед исторической наукой (в частности своей критикой неокантианского и неогегельянского противопоставления естественных и гуманитарных наук), придерживается субъективно-идеалистического понимания категорий причинности и закона в самой истории, отказывает историографии в праве считаться наукой. Философско-исторический иррационализм и интуитивизм также отрицают возможность познания исторической действительности средствами науки. Христианская философия истории считает кризис философских и методологических основ части западной историографии следствием потери веры в божественное управление ходом исторического процесса. Она стремится использовать методологический скептицизм неокантианства, неопозитивизма и иррационализма для отрицания притязаний науки на подлинное знание (отличное от якобы неизбежно поверхностных научных выводов), которое, по ее мнению, дает лишь религия.

Субъективизм в условиях «холодной войны» переходит в «презентизм», в стремление, как справедливо было отмечено однажды в «American Historical Review», «пересмотреть» и переписать историю, превратить историческую науку в «орудие враждебной Москве контрпропаганды»¹. Справедливость требует тут же заметить, что такое «переписывание» истории встречает оппозицию и критику серьезных исследователей. К счастью, нередко нет непосредственной связи между субъективистскими философскими взглядами и исследовательской практикой историков.

Субъективизм и агностицизм в области методологии, отказ от изучения решающих сторон исторического процесса препятствуют развитию

¹ См. C. Read. The Social Responsibilities of Historian. «American Historical Review», January, 1950; F. Nauek (ed). Capitalism and Historians Chicago. 1954. В этом плане можно говорить о значительной части «Остфоршунга», новейшей консервативной историографии колониальной системы, «новой» школе историков США (Д. Бурстин, С. Хейс, Д. Поттер, Р. Харц и др.) с ее отказом от социального анализа, «неоревизионистской» школе историков второй мировой войны и др.

исторической науки, порождают нарушения логической структуры исторического исследования, произвольно меняя местами причины и следствия.

Другое серьезное препятствие прогрессу исторического знания — рассмотрение общественных отношений как простого механического сцепления тех или иных явлений, без выяснения их внутренней связи. На этой основе возникает изображение существенных связей несущественными и, наоборот, выдача формы за содержание и содержания — за форму явления, единичного — за общее, а общего — за единичное и т. д. Очень часты случаи отказа от сведения индивидуального к его социальным истокам, случаи выведения для него ложной социальной родословной, отождествления нетипичного индивидуального с социальным, превращения социального в нетипичное индивидуальное. К этому добавляются часто неправомерное употребление метода историзма и столь же порой неправильное использование исторического опыта для углубления наших знаний о событиях прошлого (чем характеризуется современное состояние сравнительно-исторического исследования, применения исторических аналогий) и др. Наблюдается в историографии и опасный консерватизм относительно новых первоисточников.

Наука сильна своей верностью фактам, взятым в их совокупности. Поэтому стоит пожалеть, что, например, некоторые зарубежные историки России ныне считают возможным оперировать суммой фактов, которые были известны науке более полувека назад, не используя огромные фонды первоисточников, введенные в научный оборот советской историографией. Можно только сетовать, когда читаешь и некоторые западные книги по истории советской исторической науки (например, А. Мазура, К. Блэка и др.); в них история поиска и борьбы, охватывающая все пережитое от седой древности до наших дней, превращена в сухую схему; в них больше говорится не о трудах по истории, а о сопровождавшей их создание журнальной и газетной полемике.

Весьма неблагоприятно обстоит дело и с формированием научных понятий в историографии. Нередко они образуются путем выделения в предмете не главных или даже случайных признаков; эти признаки признаются неизменными, когда они изменчивы, и, наоборот, изменчивыми, когда они относительно устойчивы; оставляются в стороне те признаки, которые определяют действительное место данного исторического явления в закономерном процессе и характеризуют это явление по отношению к основным факторам общественного развития. Например, при использовании широко распространенного термина «колониализм» в значительной части западных работ и содержание и объем понятия оказываются чрезвычайно зыбкими, неустойчивыми. Под колониализмом понимается то лишь система политического господства одной страны над другой (тем самым оставляются за границами понятия остальные виды колониального господства и угнетения), то, напротив, чуть ли не любые виды контактов между народами, стоящими на разных ступенях социально-экономического развития.

Мы далеки от мысли считать подобную рыхлость терминологии исходной причиной научных и идейных разногласий. Дело обстоит как раз наоборот — тому пример и печально известные попытки ведущих исторических журналов США выдвинуть «империализм», а затем «модернизацию» в качестве критерия истории России. Однако несомненно, что терминологическая неурядица мешает развитию науки, создавая видимость разногласий там, где их, по существу, нет, а в других случаях скрывая их под покровом мнимого единомыслия.

Скептики уверяют, что каждый шаг в проникновении в исторический процесс, решение любой исследовательской задачи ставит нас перед лицом целого ряда новых нерешенных проблем, показывая тщетность достижения конечной цели. Но в чем же «тщетность»? Процесс

завоевания знаний необратим — в этом один из важнейших законов научной жизни. Так происходит во всех науках, в том числе и науках, по общепринятым нормам привычно носящих имя «точных». Это закон познания человеком бесконечного мира природы и общества, углубления этого познания посредством перехода от одной относительной истины к другой на пути приближения к познанию абсолютной истины. Но относительный характер научных истин, устанавливаемых исторической, как и любой другой, наукой, не опровергает их объективности, того, что они отражают — пусть с неизбежной неполнотой — реальный исторический процесс развития человечества, притом его главных, решающих сторон.

Как и в других науках, этот процесс перехода от одной относительной истины к другой не приводит в исторической науке к механическому удалению старой, ранее завоеванной истины, если она была действительно научной истиной, а не просто гипотезой, не получившей подтверждения фактами, или тенденциозной схемой, не покрывающей уже ранее известных фактов. Конечно, прогресс в исторической науке (как и в самой истории) не носит строго прямолинейного характера, он может сопровождаться временным отступлением от уже достигнутых ступеней познания объективной исторической действительности. Но это не отменяет прогрессивного развития в науке об истории общества, как и в самой исторической жизни.

Может показаться, что споры второй половины XIX в. между сторонниками «культурной» и «политической» истории или между позитивистами и школой Л. Ранке ныне воспроизводятся в полемике между, скажем, школой «Анналов» и защитниками традиционной «нарративной» историографии. Однако нельзя не видеть качественно новых элементов этой современной полемики. Внешне лишь возобновленный старый методологический спор о природе исторического объяснения, идущий между неокантианцами и неогегельянцами, с одной стороны, и неопозитивистами — с другой (например, на страницах международного историко-теоретического журнала «History and Theory»), тоже не является простым повторением старого спора и содержит немало полезного и для историков, которые не разделяют позицию ни одной из столкнувшихся в споре сторон и считают, что логику исторического объяснения нельзя понять в отрыве от логики развития самой истории.

Старая научная истина в какой-то своей части в превращенном виде вливается в состав новой истины, глубже отражающей историческую действительность. Именно поэтому многие ныне уже никем не защищаемые научные воззрения были необходимым звеном в развитии исторической науки. Именно поэтому развитие науки — это не просто смена точек зрения, а процесс раскрытия, процесс все более глубокого отражения исторической реальности. Именно поэтому историография имеет прочие завоевания, и повторение отвергнутых наукой теорий выводит их защитников за пределы науки. Никто из серьезных ученых не станет повторять ныне концепций развития Древнего Востока, имевших распространение до открытий Шампольона и Гротефенда, или истории России, какой она изображалась до открытий советских археологов. Повторение пусть даже в модернизированном виде, скажем, тэновской концепции Великой французской буржуазной революции, ныне уже невозможно для историков, придерживающихся самых различных взглядов на происхождение и характер этой революции. Изображение рабочего движения в виде «заговора», организованного в середине прошлого века К. Марксом и Ф. Энгельсом, — изобретение прусских полицейских Штибера и Вермута в их двухтомном сочинении «Коммунистические заговоры XIX в.», получившее, особенно после 1871 г., довольно широкое распространение в исторической литературе, — ныне повторяется лишь в книгах, выходящих из полицейского участка, и считается невозможным в пределах науки. Курьезным анахронизмом представляются еще недав-

но казавшиеся многим вескими мысли об «экспериментальном» и «случайном» характере Октябрьской революции, о враждебности России Европе, об отсутствии в России традиций классовой, национально-освободительной борьбы и т. п., хотя они порой и фигурируют в недавно изданных работах (Д. Кэртисс, У. Чемберлин, А. Мурхед, Г. Раух и др.).

Историческая мысль нашего века, следуя за жизнью, стала свидетельницей проверки и гибели жестоких националистических концепций расизма, геополитики, пангерманизма. Мы отдаем должное усилиям Г. Людта, Г. Штекля и других историков ФРГ, призывающих своих коллег отказаться от воинствующей геополитики пангерманизма и найти какие-то новые аспекты в истории взаимоотношений народов Европы, основанные на признании достижений марксистской историографии. Мы ценим усилия Ж. Блюма, О. Бакуса, Н. Рязановского, В. Кирхнера и других историков США, перешедших от воспроизведения «веховских» схем к попыткам самостоятельного изучения источников по истории России, по истории Восточной Европы. Это плодотворный путь, как свидетельствуют последние труды представителей английской и французской историко-экономических школ (Р. Порталь, Р. Смит, М. Конфино и др.).

Мы наблюдаем примечательное явление — своеобразное отражение идей, рожденных сто лет назад и развитых усилиями поколений марксистов, в трудах немарксистской историографии. К марксизму приходит большой отряд историков в странах Азии, Латинской Америки, в молодых развивающихся странах новой Африки. Народ, трудящиеся массы и их борьба за свои интересы и права — движущая сила истории — постепенно отвоевывают свое законное место в историографии. В науку широко текут волны народных движений и национально-освободительной борьбы. Мы рады этому. Эти темы властно расширяют и обогащают нашу науку. Бурно растет интерес к экономической истории.

Конечно, было бы самообольщением закрывать глаза на то, что интересы, далекие от потребностей самой исторической науки, вызывают стремление законсервировать в ней теории, отвергнутые внутренней логикой научного развития (или даже внедрить в науку «новые» теории подобного характера). Достаточно напомнить сохраняющиеся в науке расистские и мальтузианские объяснения многих общественных явлений; или, например, воспроизведение в большом количестве новых исследований традиционной картины возникновения христианства, игнорирующих, по существу, огромную работу, проделанную в области критики Нового Завета за последние сто лет; или опасное стремление возродить творческое содружество «ученых и солдат», которым отмечены некоторые исторические труды ФРГ (вроде сборника «Роковые вопросы современности»², вышедшего с предисловием Ф. И. Штрауса в 1957 г.). И ныне в науке есть школы и люди, занятые не столько познанием истины, сколько обоснованием «атлантических», «интегральных», или «экуменных» идей. Искусственное вторжение в науку ненаучных воззрений остается чуждым, посторонним для науки как таковой, что легко и вскрывается объективной критикой. Нельзя превращать историю в средство сведения современных политических счетов.

Сама жизнь работает против скептиков. По мере того, как новые народы обретают национальную свободу, гигантски расширяется сфера историографии и растет влияние почерпнутых в новых районах земли исторических выводов на общую сумму добытых истин. Жизнь вскрывает закономерную связь реликтовых общественных форм у входящих в самостоятельную историю народов с давними формами общественного развития народов более передовых. Марксистская археология гигантски

² «Schicksalsfragen der Gegenwart». Handbuch politisch-historischer Bildung. Tübingen. 1957.

расширила сферу исторического знания, показав общность исходных форм эволюции народов. Долгое время целые континенты и многие народы оставались вне исторической науки, и это мало кого смущало. Подобному положению приходит конец. Народы, дотоле третировавшиеся некоторыми историками как «этнографические категории», становятся и для них субъектом истории. Открываются невиданные просторы сравнительно-исторического анализа синхронных этапов общественного развития народов разных континентов. История одних становится примером для подражания или образцом того, чего надо избежать. Возрастает ответственность историков за правду в их трудах. К правильному научному отображению исторической реальности исследователя влечет не только честность ученого, субъективное стремление к истине, но и властное веление времени, непреодолимое веление исторического опыта, опрокидывающего тенденциозные и реакционные концепции.

Так, вслед за крушением колониализма неизбежно наступило время распада колониалистской историографии. Трудно в полной мере оценить плодотворность очистительного процесса неотвратимого освобождения мировой исторической науки от влияния колониалистских взглядов. Преодоление влияния колониалистских воззрений оказало особенно большое воздействие на молодую историографию развивающихся стран, привело к разрыву со взглядами, ставшими балластом в науке.

Крах колониализма привел к изгнанию из исторической мысли одной из основных ее концепций — европоцентризма (даже в его модернизированной версии — теории атлантической цивилизации). Он уходит из теории, из исследовательской практики историографии, уходит безвозвратно, ибо практика мировой историографии ныне в большой мере складывается из творческих результатов науки молодых независимых стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Глубокое изучение истории колониализма учеными молодых, развивающихся стран приводит к быстрому расширению круга публикуемых источников, к введению в научный оборот большой массы новых важных фактов. Это изучение вочью показывает несостоятельность попыток увязать колониализм с какими-то извечными свойствами человеческой природы. Оно разоблачает довольно широко распространенную в науке легенду о якобы антиколониальных истоках колониальной политики. Попытка оторвать колониализм от породившего его капиталистического строя в странах-метрополиях (особенно от той стадии, которую переживает этот строй в XX в.) имеет целью скрыть социально-экономические корни национально-освободительного движения, ранее игнорировавшиеся или оставлявшиеся в тени.

Конкретно-историческое исследование колониализма оказывается неразрывно связанным с теоретическим углублением исторической мысли, обнимающей теперь коренные процессы, решающие стороны истории. Историки этих стран, даже не будучи марксистами по своим философско-историческим и методологическим воззрениям, изучая источники, приходят к тем оценкам коренных проблем истории — особенно новой и новейшей, — которые защищает марксистская историография. Советской, марксистской научной школе присущ гуманизм, уважение к прошлому всех народов, независимо от их расы и цвета кожи, независимо от того, при каком общественном и политическом строе они сейчас живут. Это сближение растущей прогрессивной части мировой исторической науки, в целом не стоящей на позициях марксизма, с марксистской историографией является одной из наиболее примечательных черт развития исторической мысли нашего времени.

Нельзя не видеть того, насколько идеи марксизма стимулируют развитие наиболее перспективных и плодотворно работающих течений немарксистской части историографии (например, направления «Анналов»

как во Франции, так и в других странах). Историки-марксисты могут полемизировать с этим направлением в истолковании роли экономики, особенно производственных отношений, или другим вопросам. Однако достижения «Анналов», в частности в изучении торговли, финансов и техники, бесспорно, содействуют полному охвату исследованием всех основных сторон социально-экономического развития, что является одним из главных требований, предъявляемых марксистской теорией к исторической науке. Знаменем времени является и самый интерес к «марксистской» тематике, ранее лишь спорадически вовлекавшейся в сферу исследовательского внимания западной академической историографии. Достаточно упомянуть быстрый рост числа исследований по истории социализма и международного рабочего движения. Показателен процесс частичного приближения к выводам марксистской историографии даже в тех звеньях и течениях, которые противостоят ей не только по своим исходным методологическим предпосылкам, но и по оценке узловых процессов и событий истории. Особенно важно, что степень этого согласия, как правило, тем больше, чем больше степень конкретности исторического исследования.

Историография последних лет пополнилась целой библиотекой книг по истории международного рабочего движения, в значительной части написанных немарксистскими авторами и нередко резко полемически заостренных против марксизма. Но эта литература содержит большое количество частных наблюдений и выводов по широкому кругу конкретно-исторических вопросов, против которых не будет спорить ни один марксист. Факты — хлеб науки. И именно в этой области научного исследования — отборе фактов, осмысливании отдельных конкретных явлений — возникла новая чрезвычайно перспективная область международного сотрудничества ученых, придерживающихся различных философских и политических взглядов.

Важно и то, что, помимо высших организованных форм научных контактов, олицетворением которых является Международный комитет исторических наук, идет процесс интенсивного «стихийного» развития сотрудничества в исследовании многих проблем, складывается своего рода международное научное разделение труда. Если прежде область сотрудничества охватывала сравнительно небольшое количество проблем, как правило, с ярко выраженным международным звучанием (например, историю Великой французской буржуазной революции), то теперь их число возрастает в десятки и сотни раз.

Советские историки накопили полезный опыт подобного разделения труда с английскими и французскими коллегами в изучении ряда узловых вопросов средневековой и новой истории Великобритании и Франции (истории аграрного строя, народных движений, буржуазных революций и т. д.). Такое же сотрудничество возникло у советских и индийских ученых в исследовании истории индийского национального восстания 1857 года. За последнее время советские историки внесли свой вклад в исследование проблемы истории войн за независимость в Латинской Америке — проблемы, которая также стала служить предметом широкой кооперации усилий ученых разных стран. Это лишь немногие примеры. Очень характерно, что особо большими и очевидными были успехи научного сотрудничества в рамках Международного комитета исторических наук и его комиссий там, где оно оформляло тенденцию к такой международной кооперации, вытекавшую из внутренней логики развития мировой историографии. Примером может служить деятельность Комиссии по истории социальных движений, в частности та работа, которая проделана ею по исследованию истории I Интернационала. Опыт, таким образом, доказывает, что различие научных и политических позиций не является препятствием к совместным поискам научной истины.

История все теснее сотрудничает со смежными науками — экономикой, социологией, демографией, социальной психологией. Это сотрудничество происходит не без сопротивления со стороны части историков и не без попыток отвлечь нашу науку от главных проблем развития человечества и завлечь ее в тупики исследования сугубо прикладных или вообще малоинтересных вопросов (чем так грешит немалая часть современной социологии), не без стремления ввести в историографию реакционные концепции, возникшие в недрах других социальных наук. Однако в целом это сотрудничество имеет огромные перспективы, конечно, не в смысле создания новой единой «нерасчлененной социальной науки», которая отбросила бы нас к давно пройденным этапам научного развития, а в смысле включения в рамки исторического зрения и других аспектов процесса общественного развития.

История сказочно богатеет: растетвширь, охватывая «неисторические» народы, растетвглубь, включая «доисторические» эпохи. Наконец, она все более зорко вглядывается в будущее.

На страницах книг и журналов бушуют страсти, идет борьба идей. В борьбе мнений историческая мысль глубже постигает закономерность, которая все яснее проступает в самой жизни народов, вступающих на путь самостоятельного творчества, в общественной практике, в деятельности человека труда.

Мы наблюдаем в наш век, как под давлением жизни уходят из исторической мысли одни реакционные идеи, увядают другие и торжествуют в борьбе прогрессивные идеи. Так создается ядро идей гуманистических, выступающих за человека в науке, для человека на земле.

В нас — историков советского народа — происходящее вселяет творческий подъем, исторический оптимизм: вторая половина века видится нам как торжество труда, национальной свободы, мира.

Между нами и нашими коллегами, придерживающимися иной философии истории, можно найти немало тем для творческих контактов. Мы объединены с ними в одной ассоциации, организации историков, доказавшей свою жизненность, перспективность. В ней мы будем продолжать идейные споры во имя познания истины и ее пропаганды.

Широки возможности делового сотрудничества. Перечислим хотя бы, например, некоторые из этих возможностей в области методики исторического исследования: разработка сопоставимых структур научного анализа, как одного из элементов методики сравнительно-исторических исследований; определение круга явлений, поддающихся количественному (статистическому) анализу, и совместное изучение электронно-вычислительных приемов исторического исследования; разработка сопоставимой научной терминологии, начиная с более частных понятий и определений; взаимная проверка фактической достоверности, доказательности исследований, то есть прежде всего их археографической и источниковедческой полноты; разработка логики исторического познания. Не следовало ли бы этими и смежными вопросами заняться специальной (внутренней) международной комиссии, которую можно было бы создать под эгидой Международного комитета исторических наук?

К голосу историков прислушиваются правительства. Все чаще мы видим историков, занимающих общественные, государственные посты, планирующих политику своих стран. Это повышает их ответственность: они должны справедливо и всесторонне оценивать прошлое, чтобы проложить путь в будущее.

Мы выполним свой долг ученых, если все вместе скажем народам правду истории, в которой торжествует созидание над разрушением, гуманизм над мракобесием, свобода над насилием, мир над войной. Платформой организационного международного объединения историков должны стать признание объективности исторического познания, борьба против попыток ликвидации истории как науки.